

ПОТЕРЯННОЕ СЕРДЦЕ

Борис Губерман

Борис Губерман

Потерянное сердце

«Издательские решения»

Губерман Б.

Потерянное сердце / Б. Губерман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988114-4

«Товарищ человек, вы уронили свое сердце...» Поэтический дар Бориса Губермана выражается в способности рассказать о жизни просто, но при этом искусно и своеобразно. Емкие стихотворения, без лишних слов и сложных оборотов метко попадают в нужную цель — в сердца и умы читателей. В сборнике легко найдутся и философские размышления, и эмоциональные переживания, и иронические нотки, и обыкновение бытия. Все то, что окружает каждого из нас и чему ежедневно посвящены наши мысли.

ISBN 978-5-44-988114-4

© Губерман Б.
© Издательские решения

Содержание

Эпиграмма	8
Начинается день	9
«Я за войну...»	10
Хоккей	11
«Жизнь – это трудная штука...»	12
Порыв	13
«Быть сердцу милой...»	14
«Простор души нам тайну раскрывает...»	15
«Назло всем недругам...»	16
Авторитетное	17
Колыбельная	18
Ахсуинский перевал	19
«Снова хочется опять тебя увидеть...»	20
«Мне сердца для тебя не жаль...»	21
«Слушай!...»	22
Прощальная	23
Бог обиды	24
Горизонт	25
«Вся земля...»	27
Маме	28
Просьба	30
«Кто ты?..»	31
Продавец воздуха	32
Ты зимняя сказка моя	33
Морское	34
«Туман и зеленые листья...»	35
«Отыскать бы на ощупь такие слова...»	37
«Скука гнетет – руки не подать...»	38
Потерянное сердце	39
У моря	41
«Милая...»	42
Хмельная жизнь	43
Мотивы осеннего леса	44
«Дамы...»	45
«Пел гобой забытые романсы...»	46
Настроение	47
Рассвет	48
«Золотые закаты отчаянно вспыхнули...»	49
Солнечное стихотворение	50
«– I ...»	51
«Час затишья приближает нас к туманам...»	54
Солнечное	55
«Ты положи гитару на колени...»	56
Расставание	57
Осенняя прелюдия	58
Ладочке	59

У моря	60
Вселенское	61
Почти просьба	63
Хор	64
«Мчатся оцелованные ветром...»	65
Острожник	66
Ночью	67
Одинокaя комната	68
Посвящение в убийство	70
Влюбленный робот	74
Валун	76
Ночью	77
Песнь строителя	78
Мадонна	79
Водопад	80
Перед концертом	81
Зимняя сказка моя	82
Поэзия	85
Пей поцелуй	86
Последний день Помпеи	87
«Осторожно...»	88
Медведь-копилка	89
Голос	90
Меланхолия	91
Блики	92
Речная заводь	93
«Снег сыплется...»	94
Эхо	95
Поэзия	96
Первобытная история	98
Этюды ночи	100
«Пей вино – сок земли...»	102
«Разбежались веснушки солнечных бликов...»	103
Расстрелянные аккорды	104
«Степенный час...»	106
Плакучие ивы	107
Летний сад	108
«Что остается от поэта...»	109
Добрая сказка	110
В шторм	111
«Вот кричат петухи...»	112
Оконные силуэты	113
Гончар	114
«Рань постучалась в окошко ...»	115
Все до поры	116
Песнь о славном походе славного атамана Степана Разина со славной дружиной за зипунами	117
Требуется жалость	119
Бусы	121

Письма из Рая	122
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Потерянное сердце

Борис Губерман

© Борис Губерман, 2020

ISBN 978-5-4498-8114-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпиграмма

Глупец,
Нашедший место в жизни,
Уже не тот глупец,
Всего лишь разновидность

8.01.1966

Начинается день

Начинается день утром.
Ровно в семь все на местах.
Каждый занят своим делом
С инструментами в руках.
Ритм и слаженность в работе,
И десятки рук снуют...

Там, где есть цена секунде,
Знают, что такое труд.

Февраль 1966

«Я за войну...»

Я за войну
За шашечной доскою,
За доброту,
Которая как крепость,
Стоит наперекор любому злу,
За сказки,
Пробуждающие эхо,
И за глоток росы.

25.03.1966

Хоккей

Здесь-там,
Там-здесь
Мелькают каски,
Лица в масках.
Клюшки по льду снуют, как мышата,
Чьё-то тело к борту прижато.
Свисток.
Шайба в центре.
Опять все сначала
И снова ребята несутся в атаку.
Штурмуют ворота противника смело:
Ворота съезжают с обычного места.
А там потасовки одна за другой
И клюшкой удар нанесен болевой.
Трезвонит,
Звучит истошный свисток,
Судья удалил нарушителя с поля,
А покалеченный на ноги встал,
Потряс головой
И опять заиграл.
Минуты прошли.
Зазвучала сирена.
Закончен хоккей
И все по домам...

Но все же надолго останутся страсти
Болельщиков ярых
Влюбленных в хоккей.

Март 1966

«Жизнь – это трудная штука...»

Надиру Джалилову

Жизнь – это трудная штука,
Надо уметь дорожить
Временем, мыслями, делом:
Не растерять, а сложить.

Многое надо успеть бы:
Меньше поспать,
Больше быть
В знаниях,
Больше в учебе,
Больше познать для других.

Думать поменьше бы надо
Лишь о себе об одном,
Чувствовать: нужен ты людям
Сердцем, душой и умом.

Думать побольше о людях,
Ночи порой не жалеть,
Только не словом,
А делом,
Чтоб претворить и зажечь.

9.04.1966

Порыв

Резко вздыбились небеса,
Раскачались деревья и в стоны,
Взбунтовалась волна морская,
Разбежалась и понесла.

Море, море! О сколько песен,
Сколько солнца в твоих глубинах,
Сколько музыки в ветре сильном:
Невозможно все сразу осмыслить.

И по белым клавишам-волнам
Ритмы с разною силой звучанья
Разыгрались аккордом страстным —
На лице по удару от капель.

И бессильный пред этой стихией
Я в себе обретаю силу.

8.05.1966

«Быть сердцу милой...»

Быть сердцу милой
Или сердцу милым —
Заветная мечта,
Заветное стремление...

Но сможет пара любящих сердец
Единое создать,
Как вечное желанье?

Июнь 1966

«Простор души нам тайну раскрывает...»

Простор души нам тайну раскрывает,
И те свершения,
Что видим наяву,
Мы открываем книгами и жизнью,
Как лестницу,
Стоящей на пути.

1966

«Назло всем недругам...»

Назло всем недругам
Врагом я им не буду,
Назло злобливым
Добрым буду я,
Меня не радуют
Измены, подлость, сплетни,
Поскольку я их выше и сильнее.

Порой меня бросает
В край из края,
Порой знобит
От сущей болтовни,
И так порой заводит
Сердце, мысли,
Что просто так от сути не уйти.

И если только миг
Мной руководит слабость,
А вместо нужных слов
Лишь оголило нерв,
Я смело положусь
На совесть, правду, честность,
А там как сложится.

1966

Авторитетное

Получаешь письмо от друга —
В нем об авторитетных людях.

Читаешь интересную книгу,
Герои отрицания —
Авторитетные люди.

Пара в любви объясняется в парке,
Слышишь суждение авторитетного парня...

И ни-ку-да.

1966

Колыбельная

Спи, малыш,
Закройка глазки,
Спать давно пора...
Пусть тебе приснится сказка
Про богатыря.
Ты себя во сне увидишь
Сказочным,
Большим,
Одолеешь все невзгоды,
Что к тебе придут.
Солнце наше утащили
Злые колдуны,
Ты в сражении жестоком
Солнце нам верни.
Колдуны – они большие,
Страшные они...
Что дрожишь?
Закройка глазки,
Ты спокойно спи.
Я с тобою рядом буду,
Ни за что не дам
Колдунам тебя обидеть.
Спи.
Закрой глаза.

Сентябрь 1966

Ахсуинский перевал

Ярусные горы над тобой,
Ввысь ведет дорога винтовая
И течет, течет совсем густая
Синева с налетом облаков.

Бархатным ковром стекает вниз
Изумрудных склонов крутизна,
Будоража все воображение
Желтеньким цветком,
Взметнувшим ввысь.

И щебечут птицы в вышине,
В солнечных лучах купая перья,
Возрождая сердцу вдохновение,
Мыслям ясность,
Чувствам чистоту.

«Снова хочется опять тебя увидеть...»

Снова хочется опять тебя увидеть,
Просто хочется с тобою говорить,
Хочется, чтоб ты мне чаще снилась,
Приходила просто так в мечты.

Просто, если вижу, – я в сторонке,
Хочется делиться – я молчу,
Хочется... Мне многое охота,
Но боюсь я тень твоей руки.

Февраль 1967

«Мне сердца для тебя не жаль...»

Мне сердца для тебя не жаль,
Не жаль красивейших стихов,
Полотен красоты не жаль,
Чего тебе не жаль, скажи?

Дарю тебе свои слова,
Мечты свои,
Свои дела,
Мой мир добра дарю тебе,
Его ты примешь для себя?

Тебе отдам я веры страсть,
Отдам тебе я боязнь глаз,
Отдам тебе все, чем дышу,
А что взамен отдашь мне ты?

Февраль 1967

«Слушай!..»

Слушай!
Не спи!
Нельзя
Сну предаваться днем,
Ветру глаза подставлять
Вымытые дождем,
Ты покорить сумей,
А не играй на слух,
Крепче роднись душой
С тем,
Что в руках твоих.

Февраль 1967

Прощальная

Талалаевой Любе

Затихла жизнь в глазах —
Им не встречать рассветы,
Затихла жизнь в устах —
Не петь им больше песен,
Ты отдала себя
В забвенье тихой Леты,
Лишь скорбь и седина
Остались как наследье.

Не будешь песен петь,
Смеяться нежным смехом,
Сомненья принимать
И отвечать рассветам.
Прощай навеки, друг,
Подруга страшной смерти,
Прощай с неверьем в жизнь,
В тебе которой нет уж.

О, кто бы мог понять,
Как страшен лик Пандоры —
Эллады дар нагой —
Нет красоты у смерти.
Ушла навеки ты,
Оставив память сердцу,
Лишь скорбь да седина
Остались как наследье.

3.06.1967

Бог обиды

Я – Бог обиды.
Сердце бьется под латами кованными.
Предо мной в преклоненье становятся,
Ставят свечи в светильники пыльные,
О недугах своих говорят.
Божий храм полон чаду от свеч.
Давит тяжестью.
Нечем дышать:
Копоть прямо на плечи садится
И на сердце черным-черно
От заботы людей страждущих.

Я могуч,
Терпелив до края,
Я – святой для всех душ обойденных...
Разговоры сплетаю в сети,
Крашу их в настоящий цвет
И терплю до терпения адского
Без движений,
С притупленным взором.
Я – скульптура,
Покрытая латами,
Жду чьего-то живого участия
Или просто людского смирения
Для себя.

Есть иные начала и жизнь,
Есть иные стремленья и цели,
Только Богу обиды в почтенье
Отдаются на боль и на стыд
В ожидании чуда.

20.06.1967

Горизонт

Горизонт,
Здравствуй!
Видишь руки наши,
Протяни свою
Для рукопожатий,
Что ж ты отступаешь,
Так спешишь пугливо,
Мы ж к тебе на лодках
За тобой приплыли,
За секретом солнца,
Что с тебя восходит,
Ждем твои ответы
В наших горизонтах,
Ждем Луну и звезды,
Свет миров далеких,
Освети наш разум
Новою заботой.

Но в ответ лишь эхо
Что-то прокричало,
Горизонт остался
Линией бескрайней:
Чуть коснулся моря,
Чуть коснулся неба,
Замер как отшельник
В тишине далекой.

Линия прямая,
Что прямей всех линий,
Нет в тебе пороков,
Нет в тебе извилин,
Нет в тебе той силы,
Чтоб сердца зажгла,
Вечность за туманы
Спряталась уныло.

А по осциллографу,
А по осциллографу
Ломанные носятся
Под углом серьезным,
Или извивается
На змею похожая
Линия синусоидальная
По расчетам новым.

Мы за жизнь неровную,
Негоризонтальную,
Подавай нам разные
Зигзагообразные,
Чтобы в гору,
С горочки,
По холмам,
По кочкам,
Чтоб не без движения
На прямых да ровных.

Линия прямая,
Что прямей всех линий,
Нет в тебе пороков,
Нет в тебе извилин,
Нет в тебе той злобы,
Что сердца зажгла,
Вечность сквозь прорехи
Смотрится угрюмо.

1.10.1967

«Вся земля...»

Вся земля,
Вся планета похожа на грани:
Город —
на серых плечах
бурка черного дыма;
Поле —
ветра гребень запутался
в волосах золотистых девчушки бегущей,
Это ярость растущей пшеницы
Всем стремленьем,
существом растущих колосьев
ощутить высоту;
Лес —
старик многоголосый
в зеленых кронах
или в рыжих беретиках осенью
И лужайка —
как коврик у хижины Вакха,
на который когда-то вино пролилось,
Вся искрится от солнечных пятен....

По дороге идут мальчик и девочка.
Они держаться за руки
И поют городские песни.
Шаловливый ветерок услышав их голоса,
Подлетел к ним сзади,
Подхватил мелодию детской песенки
И горстью бросил ее
в дремавшую у дороги березовую рощицу.
Она тотчас очнулась от своих затейливых снов
И приветливо закивала своими кронами,
Точно добрая хозяйюшка,
Которая вышла на крыльцо встречать
дорогих гостей.
Дети свернули с дороги и пошли прямо к рощице
И можно было еще долго наблюдать,
Как мелькают меж стволов их русые головки,
И им было так хорошо
Вместе.

Январь 1968

Маме

Помню ты мне пела
Колыбельную нежную песню,
Помню, как от врага спасала
Ядовито-желтого пса,
Ты не думала,
Кому больше из нас досталось,
А потом плакала,
Мои промывая ранки...

Сколько сердца в тебе,
Даже в капле твоей слезы,
Если где-то ручей зазвенел,
Слышу отзвуки в нем твои
И листва о тебе говорит
Поседевших деревьев —
У тебя ведь волосы
Почти тоже белые.
Пусть веснушки твои на лице
Вперемежку с морщинами,
Но оно мне всегда кажется
Молодым, светлым, женственным.
В глубине больничной палаты
Я свой стон услышал усталый.
Ночь.
Только ты не спала,
На стуле до утра высиживая
У моей больничной кровати.
Врачей приговор недобрый
По нотам до гаммы рассчитанный
Ты с недоверием слушала...
Я выжил,
Поверив целебному слову,
Что будто немного болен.

Но где-же твое здоровье?
Сколько раз заставлял тебя плачущей
На первый взгляд из-за ничего.
Даже машине счетной
Или известному математику
Не высчитать слез тобой пролитых,
Но я насчитал целые моря слез.
Сколько?
Даже мне их не счесть-не высчитать.

А теперь ты ужасно ревнива.

К подругам моим недоверчива.
Понимаешь,
Что скоро и мне жениться.
А мечтами ты уже в бабушках,
Нянчишься со своими внуками...
Если с девушкой говорю,
Слышу взгляд молчаливый, придирчивый:
– Не эта ли станет его суженой?
Или думаешь: «Куда ему совсем еще мальчику?»

И все-таки ты трусиха:
Дрожишь над моими словами,
Сестре не даешь ответить,
Пусть даже не прав я трижды.
Боишься за тень руки,
Звонящую в дверь поздно,
И я на себе ощущаю
Не ругань – удары сердца.

Нет дороже улыбки твоей ничего,
Все богатства ужасно жалки,
Мне в дороге нужнее не хлеб да вода,
А твоя материнская ласка.

27.02.1968

Просьба

Сердце у тебя совсем красивое:
Как лицо,
Как руки,
Как глаза,

Говори, пожалуйста, с сердцем.

«Кто ты?..»

Кто ты?
Мои товарищи твердят:
Ты – любовь...
А я молчу.
Только кончиками пальцев своих
Трогаю твои волосы,
Слушаю шорохи тишины
И,
Глядя на тебя маленькую,
Беззащитную,
А я думаю:
Как сильна ты.
И ты
И небо совсем многозвездные,
Что оно и ты – сестры,
И в его раскрытых глазах
Я ищу твои звезды дрожащие.

Ты – как щемящая сила стиха,
Как новое слово красивейшее,
Ты – небо,
Усыпанное звездами,
Ты – это ты.

3.06.1968

Продавец воздуха

Жанне Майновой

Я – продавец воздуха.
Продаю всем плачущим:
Им не хватает воздуха,
Когда они плачут,
А слезы,
Пролитые по поводу утраты,
Так не дают надышаться.

Воздуха!
Кому воздуха-а-а?!

Масса глаз людских
Смотрит в одну лишь сторону,
Но никто не взглянет,
Никому не нужна
Помощь продавца воздуха.

8.06.1968

Али-Байрамлы

Ты зимняя сказка моя

Сочиняется сказка белая
Про кусочек большой зимы...
– Где же ты,
Очень добрая фея,
Белая,
белая,
белая...

Ты – добрая,
Совсем волшебная,
Ты – маленькая белошеша,
А в глазах блестят бриллианты неба
ночного.

Белая, белая, белая...
История,
Каких тысячи...

30.08.1968

Морское

Опять пробилась синева,
Как сгусток крови
В цвете моря,
Молчит тоскливо тишина,
А марш волны волной проходит.
Молчит тоска,
Молчит как боль,
Минута тягостней обиды
И жжет,
Как та шальная моль
На шерсти.
Без ожиданий нет надежд,
Без ласки нет в тоске кручины,
Кусаящая в глаз да бровь —
Хоть плачь.
Из повседневья мчит волна,
Она тебя готова свергнуть
Девятым валом вдоль души
И с ног.
Но пробежал по взгляду моря
Хороший ветер – жесткий ветер,
Который вдаль тебя уносит —

Не устоять.

Мечта.
Нахлестывает сладость.
Качается волна-сознание
И можно жадно задышать
От крепкой качки урагана.

30.08.1968

«Туман и зеленые листья...»

*Атланты держат небо
На каменных плечах.
Александр Городницкий*

Туман и зеленые листья,
И я посреди дороги
Стою,
Упираясь в небо,
Не видно ни зги вокруг.

Итак дожидаюсь, пока
Попутный подует ветер,
И даже присесть не могу
На самом краю планеты.

А время почти стоит,
Оно почему-то медлит,
А сердце стучать спешит,
Торопит, торопит, торопит.

Торопит раньше других
Увидеть светлеющим небо,
Оно неустанно зовет
В дорогу, в дорогу, в дорогу.
Я солнце увидеть хочу,
Пожалуй, одним из первых,
Руками потрогать зарю,
Услышать рассветное эхо.

В глаза пусть ударит рассвет
В размах восходящего солнца,
Распишется, как сонет
В раскрытых весенних листьях.

И пусть одиноко журчит,
Как гимн восходящему дню
На легких аккордах утра,
Ручей на лесной поляне.

Туман и зеленые листья,
И я посреди дороги...
А сердце стучать спешит,
Торопит, торопит, торопит.

8.04.1968

Али-Байрамлы

«Отыскать бы на ощупь такие слова...»

Отыскать бы на ощупь такие слова,
Чтобы можно было говорить
с наступающим утром,
Сделать сердце источником слов,
Еще лучших,
Ведь не станешь поэтом,
Не став монолитностью
слов,
мыслей,
жизни.

8.09.1968

«Скука гнетет – руки не подать...»

Скука гнетет – руки не подать:
Рука не чета скуке.
Завернуться б мечты разноцветных снов,
Где только медовые слухи,
Да от самих себя не бегут...
Не спится.
Скука.
Совсем одинокие руки.

8.09.1968

Потерянное сердце

Это страшно:
Руками схватить молнию
И смотреть на обугленные пальцы.
Мне страшно:
Испепеленное сердце источает холод.
Доброе,
горячее,
ласковое солнце,
Ты светишь,
А мне беспросветно,
Мне беспросветно под твоими лучами.
Где же ты,
Восходящее?
Где же?..
Хотя бы было бы больно,
Но больно.
Даже руки отказываются во мне
понимать человека,
Даже сердце во мне непонятно болит.
Я стоскуюсь в жалкий комочек
В беспросветности,
Черной точкой в пространстве.
Неужели я тоже ничтожество,
Если думается, ох, как ничтожно.
Только вчера я купался
в щедрости красок сильного человеческого моря,
Еще вчера я касался цветов,
Таких, как ты,
Растворялся в твоих фантастических
звездах глаз,
Потому что глаза твои были бездонны.
А сегодня желчь.
А сегодня нет сердца.
Лучше бы мне ослепнуть от легковерия
сказанных слов,
Лучше бы...
А зубы стучат как распалившиеся мальчишки.
Я тону.
Я хочу тонуть.
Нет,
Не надо соломинки:
Она тоже может помочь мне выплыть.
Я хочу,
Чтобы мне было больно,
Как вчера хорошо.

А ладонь сохранила каплю твоей слезы.

Пожалей,
Пожалей меня
О, жалкая наивность веры.

Штопайте, штопайте воздух
Нитями губ
Сокровенное таинство,
Но не вслух,
Глазами молча обмолвитесь,
Чтобы просто понять...

.....
.....
.....

– Товарищ человек, Вы уронили свое сердце...
– Товарищ милиционер, он уронил свое сердце...
– Товарищ милиционер, он что-то бормочет.
Может вызовем «скорую» в помощь ему?..
– Спасибо!..
Верните, пожалуйста, мое потерянное сердце.

6—9.09.1968

У моря

— 1 —

Берег моря.
Скалы смотрят каменными девушками.
Под босыми ногами,
Обжигая пятки,
Песок зыбкий.
Бегом пробиваюсь сквозь солнечную пелену зноя.
Море растворяет меня в море.
Всплески рук превращаю в брызги,
Рассеивая их в междурядья волн радужьями.

— 2 —

Тот же берег.
Бутафория природы в мрачных тучах.
Скалы оскалились в небо зубами.
Срывая одежду,
Вкруг тела
Обвились руки ветра.
Серый песок в дюнах
По-собачьи взъерошился пылью.
В пляске святого Витта
Кружат морские принцессы
В белых коронах —
Вприсядку о скалы.

Моему ли росту быть сильнее стихии?!

5.10.1968

«Милая...»

Милая,
Самая милая,
Как восходящее солнце,
И немного улыбчивая
На моём горизонте.

12.10.1968

Хмельная жизнь

Разогнать базальтовую скуку:
Сон в руку...

Руки бодрого мальчика.
Бутылка прозрачной жидкости.
Сон до утра.
Март... Август... Декабрь.

Руки вспучились жилами.
Из бутылки источает запах сивушный.
Голова,
Покоящаяся на тени,
Дразнится высунутым языком.
Ватный год.
Базальтовая скука.
Воробьишками в глазах рябит.
Взвизг мистический:
Как будто лупят чёрта,
Спьяну в глазах рябит.
Белая горячка.
Больничная койка.
Совсем не спится.
До одури голова.
Март... Август... Декабрь.
Руки в такте дрожи.
Старость.

17.12.1968

Али-Байрамлы

Мотивы осеннего леса

Наряжается лес с иголочки,
Осень трепетно красит лист,
Вдоль тропинки стыдливые елочки
Молчаливо нам смотрят вслед.

Сосны.
Шишки пустые валяются.
Дятел будит поникший лес.
Речка,
Спрятавшись под откосом,
Мелодично звенит в окрест.

В вышине журавлиный клин.
Он с тоскою курлычет прощанье.
Сквозь осеннюю круговерть
Ощущается засыпание.

19.12.1968

«Дамы...»

Дамы,
Где ваши собачки?
Мопсики?..
Прочие твари?..
Мужчины?

19.12.1968

«Пел гобой забытые романсы...»

Пел гобой забытые романсы,
Осень золотилась на листе,
Грелась под останками печали
Речка,
Протекающая в сентябре.
Плыл оркестр в нежные лазури,
Жалась жалость к каждому плечу,
Забираясь под вакантные свирели,
И старалась их перекричать.
И старалась выглядеть уставшей
Среди звуков вечной суеты...
Под седую кроной
Где-то между сплетен
Умными казались спящие носы.
И прошли в знаменьях именами
Демоны, закутавшись в плащи,
По тропинкам на забытые причалы,
Гению пришедшие в стихи.
Пел гобой
И улегались страсти,
Осень золотилась в желтизне,
Грелась под останками печали
Речка,
Протекающая в сентябре.

21.12.1968

Настроение

Просто захотелось взять руками
Эхо теплое концертного органа,
Солнца лучик,
Голубое небо просто так слегка рукой погладить,
Захотелось стать таким, как море:
Безгранично понимать и верит...

Звуки скрипки впились прямо в нервы...

21.12.1968

Рассвет

Как будто кто-то встал у пульта,
Взмахнул уверенной рукой...

И вновь по партитуре неба
Играет солнечный рассвет,
Горящий всполох проникает
Туда,
Где тень лежала точно снег,
Вершины гор под спудом века
Горят околышками дня...

Так просыпается с рассветом
В интимном трепете земля.

8.01.1969

«Золотые закаты отчаянно вспыхнули...»

Золотые закаты отчаянно вспыхнули
И сквозь нежные мысли
Набежала и шепчет о чем-то заветном
Голубая волна – голубая мечта.

6.02.1969

Солнечное стихотворение

Пленка солнечного вскрика,
Искрами пылая рыже,
Бьет в глаза горящим ритмом.
Струйками вода стекает,
Будто не вода —
Металл,
Раскаленный в летних бликах,
Он в глазах огнем играет,
Принимая солнца дар, —
Это в брызгах на ресницах
Странник сказку нам поведал,
По стекающим оттенкам
В радуге гуслияр сыграл.

8.02.1969

«— I ...»

Друг, я болен тоской журавлиной.
Спелица

*И, улыбаясь, две слезинки
Скатились с облачной щеки.*
Спелица
Виктор Яковченко

— I —

Подарите мне облако
с налетом зеленой грусти
И рыжий мячик
в сочетании с желтым,
Чтобы можно было сыграть с кем-то в завтра.
Рыжее, рыжее зло,
подпрыгивая,
будет дразниться
рыжей головкой невинного мальчика,
А желтое,
как перезревшее добро
дынной кожурой будет в глаза пыльная пялиться:
— Я — добрая...
Прыг-прыг
прыгает мячик,
А ты следишь за тем,
как он долетает
до самого тридесятого завтра
И обратно в сегодня падает,
вращаясь рыже-желтым.
Добро и зло.
Сегодня и завтра,
после игры в мечту,
усталым заворачивать этот мячик
в облако с налетом зеленой грусти
И думать,
что все хорошо да гладко,
И верить,
что завтра будет в солнце.
А если завтра дождь?
НЕ ВЕРЮ!
Иначе солнце — это мумия света,
забавляющее нас лучезрелищем,
И тогда небосвод —
тоже нечто лишнее?!
НЕ ВЕРЮ!!!

Я видел слепого,
Который, как зрячий, шел без палки, —
пусть спотыкаясь.
*КАК ЖЕ ПОРОЙ ХОЧЕТСЯ ЗАВИДОВАТЬ
САМОМУ СЕБЕ ЖЕ!!!*

— II —

А еще подарите мне радугу,
Настоящую,
В струнах спектра.
Я сочиню для вас музыку неба
к партитуре для звездных мерцаний.
ВЫ СЛЫШАЛИ МУЗЫКУ НЕБА?
Звуки окустились,
переплетаясь в лианы.
Осторожно разводя их руками,
Пробиваешься навстречу к песне...
И так каждый раз:
Вначале по партитуре молчания,
Потом вдруг в нервы впиваются иглы:
Звуки озмеились и жалят —
Это звучит кантата небесного цвета!
Слушайте, как грохочут тучи
в споре с ветром,
Идет какофония грозы
С переблеском молний
И звёзды в прорехах туч
Исполняют танец мерцаний.
Что может быть добрее мелодий,
Растаявших в утре?
Что может быть сильнее музыки,
Падающей с вызвоном капли дождя?
Шипучее шума вспененной волны?
ЗВУЧИТ КАНТАТА ОЗВУЧЕННЫХ СОСЕН!
В мысли,
Окрашенные цветомузыкой,
Извивающиеся полутонами дня,
Приходит что-то очень доброе-доброе.
Спрятать бы эту необъятную доброту неба
Далеко-далеко в сердце,
Чтоб там пелось,
*Я ТОГДА НАУЧУ ПЕТЬ СКАЛЫ
МОЛЧАЛИВЫМ НАПЕВАМ КАМНЯ...*

*Моя просьба —
Моя непосильная ноша.
Извините,
Вечно мне что-то хочется.*

4.02.–8.02.1969

«Час затишья приближает нас к туманам...»

Час затишья приближает нас к туманам,
За горами бродит беспокойным веком
И приходит, как багровью пишет,
Зарево прощального заката.

Где же ты расчесываешь косы,
Тишина?
Та, что нам всего милей
В гуле собственных шаганий
Вдоль картин от луж после дождя.

Тишина всего лишь наважденье
Спящего желанного покоя...
Сон проходит с наступающим рассветом...
Ты догнать попробуй тишину.

Февраль 1969

Солнечное

Почему к тебе ластится море
И, прильнувшись к твоим ногам,
Заворожено прошуршало
И как будто приказа ждет?
Слышно ветер тебе напевает
Свою томную песню ветра
И нашептывает про любовь.
Я ревную.
Я ревную и к ветру и к морю,
К небу, городу, к соловьям,
Я ревную к лужице тени,
Покорившую моря гладь.

Почему к тебе ластится море?
Почему ты в объятиях солнца
Мне дороже,
Чем все другое?!!

5.03.1969

«Ты положи гитару на колени...»

Ты положи гитару на колени
И в переборе звуков сохрани
Хрустальный блеск прощающихся взглядов,
Напевы ветра,
Первый день любви...

Ты положи гитару на колени
И помолчи...

6.03.1969

Расставание

Остепени мольбу, остепени,
Вымаливающую собственное зренье
Не видеть,
Не запоминать черт,
Ни столь привычные движенья.
Но почему забыть без сожаленья
Дыхания касающихся пальцев,
Что прожигали страстью беспощадной
Прозренье?..

И ночь,
Проникшую за кромку властных губ,
И не забытую,
Которой так был люб.

7.03.1969

Осенняя прелюдия

По осени, по осени, по осени,
Шуршанием шагов по позолоте
Идти открытыми просторами
В рассветы.

Послушай,
Мы пойдем сегодня в осень,
За руки взявшись,
И будем песни петь осенние
Встрече.

Пусть дождь косясь идет,
Искрится,
Падает,
А листья на ветру пусть шепчутся,
С ветвей нам кланаясь.
«Остановись, мгновенье!
Ты прекрасно!»¹
Вглядишься на осень:
Неувядаемо в своем горении
Пылает колосс.

По осени, по осени, по осени,
Шуршанием шагов по позолоте,
Идти открытыми просторами
В ее рассветы.

19.03.1969

¹ Гёте. Из монолога Фауста.

Ладочке

О, как ты еще мала,
Пленяющий взгляд младенца,
И мысли, как облака,
Гоняются бабочкой в песне.

Желай и я стану игрушкой:
Любимою куклой-кокеткой,
Желай и я стану песней,
Плывущей за колыбелью.
А вырастешь стану сказкой,
Твоим голубым принцем,
Твоими глазами стану
Видеть ручей звенящий.

И легким ласкающим ветром,
И садом во сне притихшим,
Твоей перламутровой зорью
И нежным шептанием листьев

Закрой свои глазоньки в песню,
Плывущей за колыбелью,
И мигом к тебе явится
Большой златотканый прибой.

30.03.1969

У моря *Сонет*

Спят паперти, заласканные временем,
Взошла луна бездымною свечой,
Две тени прикорнулись тенью в море,
Где заморожено сличает их волна.

Словоохотливо барашки вслед несутся,
Обласканные лентами огней,
Пока стеною брызг не разнесутся —
Они зовут, они поют людей.

Цветастые тропинки серпантина
С прибрежных фонарей на море льются
И все зовут, влекут во тьму пучины,
Где с ними тишь желает поделиться...

А рядом, чуть шурша, звенит хрустально лира
Давно забытыми историями мира.

31.03.1969

Вселенское

Жизнь нужно прожить так, чтобы...

«Как закалялась сталь»

Николай Островский

Холодно.
Ох, как холодно:
Зуб на зуб не попадает —
По Гринвичу минус двести семьдесят.
Укрываюсь фосфоресцирующей вуалью кометы
С короной на лбу.
Пышущая жаром космическая пыль
Осыпает тогу.
Обжигаюсь.
Все без следа метеоритным потоком смывается:
Нестерпимо становится больно
От ударов саднящих,
О, боже!
Раны кровоточат космической пустотой!
– Вернись! —
Мне кричит вслед
Один из собратьев святых.
– Куда ты?
Галактика твоя —
Лишь микрокосм вселенной...
(Что за бестолочь – нуждающемуся в помощи
предлагает трактат по философии).
Лечу баллистически по орбите кометы.
Скорее к Земле.

Мизерная точка превращается в райское яблочко.
Солнце,
Что свеча в темной комнате.
Мое космическое одеяние,
Сверкая,
Колышется по его лучу.
Лечу.
Дух захватывает от скорости.
К Земле!
Только к Земле!
Грудью врезаюсь в орбиту какого-то спутника.
...Невыносимая боль...
Остановка...
Будто рассекли пополам.
– Вернись!.. Простим!..
Лечу не по своей траектории.

Подо мною чудо дивное:
В необъятность объятья планеты лазурь
перламутровая,
Как полусфера прибрежной ракушки.
Облака будто на нити ветра монисто.
Белое оставляет черные тени.

К Земле.

Меня сорвало не с моей орбиты,
Объяло воздухом вокруг груди и спины
И понесло в приморские левады,
На Гибралтара Геркулесовы столпы.
Сверкая,
Тога вьется вслед за мною
Под блеск морей,
Под гул скалистых гор
И тишь равнин.

Я на земле.
Ступил и пошатнулся,
Споткнувшись о полог играющей зари,
Стал крепче на ноги
И замер,
Почувствовав весомость в теле.
Я на Земле.
Прочь тогу!
Прочь корону!
Я – землянин!
Какое счастье человеком стать
И человеком быть.
Всегда.
Здравствуйте, люди!!!

Март – апрель 1969

Почти просьба

Ко дню своего рождения

Почему-то очень грустно.
Почему-то в канун не спится,
Не спится совсем...

За контурами каменистой паперти
Разлился солнечный рассвет...
Запрячь меня в порталы света,
Что так отчаянно горят.
Ты замуруй меня оттенками,
Багровью,
Криками свеченья,
Я – некрасивый, как сомненья,
Вдруг стану зоревым.
Расплавь рубин в восхода ширь,
А отблик положи в ладони...
...Ты замуруй меня оттенками,
Ты слышишь: замуруй меня.

16.04

Хор

Из репродуктора легла на реку песня.
Строй сильных голосов звенел,
Вплетаясь в сладкий запах лозы,
В таинственный восход.
Хорал реки нес далеко тот голос
На нежные пюпитры трав
И, задевая кромки длинных сосен,
Неслышно замирая, гас.
А голос все крепчал и рос,
Рвя в клочья тишину.

...И почему-то плакать захотелось
От дивных чар,
Нахлынувших во тьму.

17.04.1969

«Мчатся оцелованные ветром...»

Мчатся оцелованные ветром
Белые небесные знаменья.
Белых облаков порыв мечты
Так и тянет в миг очарованья.

Загадаю по памяти руки ее,
Блеск ее глаз,
В которых отражаются ожидания,
Такие же белые,
Как облака.

И уйду от себя в улицу,
В мир ее музыки,
Где у такси в зеленом глазу
Ожидаются пассажиры.

24.04.1969

Острожник

Эй, острожник, далече ли путь твой стелется,
В голубую отмерил, чай, много шагов,
И не видно конца этим чертовым дюжинам,
Что несут в перезвонах кандальную чадь.
Ничего.

Отдохни на пыли замороженной,
Дай цепям отдохнуть, поседеть от пыли,
Ты по летнему зною успеешь натопаться.
Отдохни.

Здесь дороги, дороги, дороги, дороги,
Горемычные,
Много выдавшие век,
...Здесь история воспрянет твою же историю
И пойдет молодить побежденную седь.

– Чо, треклятый острожник, расселся.
Ну ж, ступай, чай, не то погублю...

Под тяжелым ударом приклада
Зашагал по трактовой глуши.

26.04.1969

Ночью

Море почти заморожено-живое,
Заснувшее на лунной отмели.
И что-то стряпали ноготки волн
На копоты ночи.

Кто-то седой мокловицей
Все небо забрызгал звездами...

2.05.1969

Одинокая комната

*В комнате
все углы опустели
и сумерки бросили якоря.*

**Весенняя поэзия
Божидар Божилов**

Не спалось.
Ветер,
Не унимаясь,
Окна драил лунною вуалью.
Беспрестанный шум в лагуне памяти
Все чего-то своего искал,
Неугомонно терзая моего берега кромки.
Очень неудобно в пасти комнаты,
Где даже сферы ногтей по-рабски
отражают луны.
А где мой свет?
Каждую ночь темнота справляет
панихиду
По мебели,
Посуде,
Прочим вещам.
Все упивается тьмой.
Живыми остаются только мои глаза:
За оправой очков – светлячки,
А весь я – тьма.
Лишь нервы высвечиваются обрывками,
Узелками на память,
Как бахрома.

Каждую ночь темнота справляет
по мне панихиду.

А под утро я, засыпая, вижу
Утенка гадкого,
Ставшего лебедем белым,
Цветник из солнечных георгин
И рядом ту,
Которую так хочется встретить.
Сон переливается ее локонами.

Просыпаюсь.
Истома в суставах.
Просыпаюсь не просыпаясь.
А за этой стеной одинокой

Люди,
Привыкшие к каждому своему шагу,
Не считая шагов,
Проходят,
Как имена городов,
Что уходят в монахи
В торжественной рясе гимна
Непричесанных мыслей.

Апрель – май 1969

Посвящение в убийство или Дождь

— 1 —

Туча была большая.
Собака была большая.
Темная ночь ее зрачков теплилась, как острова,
Нагретые летним днем,
По фонарям зрачков хлестало ветром с дождем.
Дождь шел.
Дождь падал мокрыми потоками расплавленных
минералов
на черную кровь асфальта,
Что запеклась на проезжей части.
Автомобили,
Точно чужие люди,
Вдаль уносились
Без оглядки,
Мигая красно-желтыми подфарниками,
И не оглядываясь на крики реклам,
Чей свет,
Не выдержав собственного веса,
Падал неоновыми криками
На лица,
Тени,
Окна
И плакали отраженьем поверьев конусные
отражения города.
Люди спешили в дождь.
Скрипела автобусов дрожь натужных рессор.
Листьев металлу сор.
Их безропотная желтизна по ветру летала,
Носясь книзу,
Кверху,
Срываясь останками лета с деревьев.
Теней осунувшихся борода мокро пятилась
краями улиц
подобьем нахохлившихся куриц.
Люди спешили в дождь.

— 2 —

Художник писал с натуры скуку:
Кисть скользила по мрачному суку,
Нанося краску коричневого страха,
И сковывала мысли,
Точно выводила их на плаху.

Художник писал с натуры скуку.

Чуть дрожа, приподнялись ресницы,
На которых искрились слезинки:
– Мы – необъятны...
Там вверху проплыли два облака —
Головы лиса и Мефистофеля.
Слегка растянувшись,
Стали седыми бровями над купелями глаз неба.
Мы всматриваемся друг в друга,
В самую глубину.
Последний раз умываемся воздухом —
Чисто-чистой синью.
Слезы —
Кровь наша —
Спокойно льются и блестят.
Эхо пальцев чужих взмахом касается нашего
зрения
и опускается истуканом.
Продеваемся сквозь проушину петли.
...Не стеклите нашего зрения..!
...Нельзя... душить... небо...
...Спрячьтесь... нас...
Живыми запеклись в нас волны
действительности,
Застыв изваяниями всесильности
и вседозволенности.
А рядом,
Трепанируя голос толпы,
Будто со скальпеля ужаса
Из уголка рта
Тонкими струйками стекает кровь
И как вино пьянит страхами посмертные улыбки
повешенных.
Теперь смотреть не запоминая,
Все сразу,
Все много...

Их нет этих глаз,
Но смотрят они,
Но плачут они,
Но смеются они
Кусочками неба,
Свободными от туч.
ПРОСТИТЕ ЗА ВАШИ БОЛИ
О, святыня!
Запри на три замка мужество,
Вдоль и поперек осажденный язык:
Ни сказать,

Ни молвить,
Ни закричать,
Закричать также жутко,
Как бомбы,
Визжащие тысячесмертно
И ниспадающие каменным водопадом
рушащегося дома.

Не шелестите в грудь
Листья осенней тоски.
Прошу Вас не плачьте, тучи,
Косыми стенаньями в дождь,
На это способен лишь людь
Больной болью.

Провалы обугленного дома смотрятся моргом,
Где убитый священник в военном мундире
судорожным оскалом пальцев
все еще сжимает книгу божьих заветов:
– НЕ УБИЙ!

А тебя не сочли даже жертвой,
Без вести пропавший.

Часть лица застыла в пепле ужасом.
Сажа,
Бывшая ладонью,
Впилась в сажевую прядь.
Сохранился отпечаток мальчика,
Породивший погребенный плач.
ПРОСТИТЕ ЗА ВАШИ БОЛИ!!!
Именно такую скуку писал с натуры художник.
А за окном на стены косился дождь.

Домишко.
Хвостатое яблоко с глазами кошачьими —
Это рисует мальчишка круг лучистого солнышка,
Весну,
В целых два обхвата дерево,
Крыши...

Рисуют двое:
Художник и мальчик,
У каждого своя тема — тема «ах»,
А за окном на стены домов идет дождь.

— 3 —

Люди спешили в дождь.
Слышалась автобусов дрожь.

Лишь птички пугливо спасались под крылышки
гнезд.
Им не хватало звезд,
Больших,
Настоящих,
С неба.
Им не хватало неба,
Рождающее дыхание полета.

А люди спешили в дождь.

Январь-июль 1969

Влюбленный робот

По равнодушию,
Как по сухому,
Вхожу под надписи.
Буквы —
Символы человека
Многоцветно-предупреждающе
Быют в фотоэлементы:
«Вход»,
«Осторожно»,
«Смертельно».

Зачем предупреждать себя?

Я – робот,
Индустрия ответов
На вкусы и вопросы человека —
Перенасыщен сухими определениями.

Спрашивайте меня на ответы!

А я хочу думать человеком.
Ното sapiens! научи меня чувствовать.
Она говорит белоснежными мыслями
И лазурью неба,
А я: небо – это...

Я напичканный энциклопедиями
Руками кверху воздетыми
Коленопреклоняюсь перед книжными полками:
Отпустите!..
Мне хочется завидовать удивлениям
И плакать слезами...
Отпустите от истин
И научите думать о ее локонах...

Брызги эмали белой
Застыли на плюше ночи.
Ночь —
Ширма светил —
Прячет от назойливых глаз их светомудрость.
А я жду и злюсь на себя,
Как люди,
Что ждут обещаний от бога,
И, как всегда, почти безответно.
Согнутая в полупочтении собственная тень

задразнила меня.
И рука,
Будто высунутый язык,
Втирала в себя однотонно лицо
Без морщин и страсти.

Я не хочу быть роботом!!!
Моя лаборантка маленькая,
Подойди,
Протяни ладошки
И растопи в них
Математическую бесчувственность мою...

.....
.....

Прошла мимо...
Человек!
Изничтожь!
Не сотворяй, человек, себяробота!!!

9.08.1969

Валун

Сколько раз я смотрел на то,
Как волна цвета гасящейся извести,
Шипя,
Наползала на очерневшую каменную глыбу,
И зарывая ее в воду,
Точно приговаривала:
– Не показывай непогоде язык...

Море не любит непокорных.
Спорит,
Сердится,
Зеленея от злости,
И оседает,
Вначес разнесясь
По склизской чеканке
И в брызги,
Точно в плач от бессилия.

– Плачьте,
Промасленное от огней,
Очень трудно не плакать от боли
И писать кому-то между строчками волн
О горе своем злобой.
Лучше плачьте,
На мне вымещая страданья,
Я... вытерплю...
Я... твердолюбый.

21.08.1969

Москва

Ночью

Простучали по рельсам колеса вагонов —
Затихло.
Фары ночь ослепили:
Машины проехали —
Стихло,
Спят и трубы,
Дыша что-то сонное дымом,
Точно пишут по звездным мерцаниям:
«Тише».

15.09.1969

Песнь строителя

Он устал,
Растянулся на собственных мышцах
И заснул беспокойно,
Как спят только в детстве...

Простучали по рельсам колеса вагонов —
Затихло.
Фары ночь ослепили:
Машины проехали —
Стихло.
Спят и трубы,
Дыша что-то сонное дымом,
Точно пишут по звездным мерцаниям:
«Тише».

По-гигантски раскинувши руки на крыши,
Видит сны новостроек,
Заводов могучих,
Сны строительных кранов,
Проспектов и скверов,
Видит сны ребятишек,
Заснувших в постельках.

Спит младенческим сном
Под накидкой неона
Город-юноша,
На моих ладонях возросший.

15.09.1969

Мадонна

Осветило свечой.
В затаенных чертах полутени.
Обнаженное тело блестит белизной...

То смиренной позой возникла Мадонна
у распятого
образа
в слезной мольбе.
Торопливо крестясь...
Билось бляньем сердце
У Мадонны,
Впервые познавшей бесчестье.

19.09.1969

Водопад

Низвергнутый потоком вниз,
Стремительный,
Рассеянный,
Но грозный
Гудит над раструбом ущелья.
А брызги,
В солнце повисая,
Ткут радугу.

21.09.1969

Перед концертом

Месье маэстро!
Скрипка желает петь
И вызывать из-под пальцев ваших жалость...

.....
.....

Зафутляренная,
Она одиноко притулилась к стенке,
Была слепа
В ожидании своего часа,
Без света,
Без целого зала людей
И гриф ее в футляре
Был одноруко беспомощен...

А говорили:
– Музыка кончилась...

25.09.1969

Зимняя сказка моя

Свет внезапно рассек,
Точно вскрыл через силу,
Челюсти ночи,
И на всем этом черном пространстве
Белые снежинки зароились
Белым танцем из «Лебединого озера»
В такте ниспадающей мелодии снега...

Снег идет,
Снег идет к нам,
Не прячьтесь от снега:
В его белой пушистой душе
Бьется трепетный теплый холод.
На морщинку ладошки
В ореоле света
Прильнула снежинка-звездочка,
Вы ловите такие же звездочки,
Что нам так не хватало в детстве,
Не дарили,
А вы дарите...
Вы дарите снежинки
И не бойтесь:
Они не растают,
Память не тает,
Разве ж можно забыть о подарке,
Который вам дарят душою подарка?!!
Вы дарите снежинки,
Всем дарите,
Дарите,
Да —
ри —
те,
Дарите!!!
Мириады их искрящего блеска
В лунном свете.

В наступившем солнечном утре
Снег сверкает мириадами блеска
Разнаряженный блеск-радужку.
Человечек-малышка,
Милый маменькин гномик,
Не ступай даже бережным шагом
По моей бархатной белой кровле.
Подожди,
Полюбуйся,

А не то сотрешь
Разнаряженный блеск-радужку
С моего одеяния,
С короны,
Венчающей сверкающую тогу радости.
Видишь,
Лучики-блестки
Паутинок тоньше
Раскружились,
Раскаруселились,
Так и брызжут от разнокрасья.
Человечек-малышка,
Милый маменькин гномик,
Подожди,
Не ступай даже бережным шагом,
Мы лучаем фантазию,
Спрятанной в сказках,
Белых,
Добрых
На сон колыбельный.
Если горстью собрать нас
И в вазу хрустальную
Просто бросить,
Мы – лучаем фантазию...

По потолку,
По поверхности век,
По одежде,
По всем предметам
Реверансом вальсирующим
Краски,
Полутона
Затрепещут
И медленно-медленно
Растворятся в новые соцветия.
Даже слова,
Что затерты,
Издерганы повседневностью,
Станут красками.
В менюэте вальсирующих красок
Все это преломляется
В гранях вазы хрустальной
Магией расцветок,
Пока не растают,
Не расплещутся
Сквозь узоры симметрий граней...

Человечек-малышка,
Милый маменькин гномик,

Осмотришь,
Подожди,
Не ступай,
Мы лучаем фантазию,
Спрятанной в сказках,
Белых,
Добрых
На сон колыбельный,
Не ступ...

31.12.1969

Поэзия

Взять бы крылья огромной птицы
И окунуть их в начало утра,
Когда еще не видно ни зги,
Когда стихи только начинают просыпаться. —
Ты проснись со стихами,
Когда зажигается на краю планеты
розовая стремительность солнечного пламени,
И разгораясь все ярче и ярче,
Жжет и рушит все черное:
Черные тени,
Черные мысли,
Черную черствость —
СТИХИ ДОЛЖНЫ ГОРЕТЬ БЕЗ КОПОТИ!!!

25.01.1970

Пей поцелуй

Горит в зеницах,
Жаждой опаляя,
Манит к себе упругих кромка губ
И страсть пьянит,
А блеск в глазах все ближе,
Ярче,
Ярче.

Сомкнулись страсти губ.
Пей поцелуй,
Как в самую жару с землей обнявшись
И пить родник,
Не насыщаясь,
Жадно,
Жарко,
Страстно.
Пей поцелуй,
Чтоб слиться единеньем в порыв единства,
Двух в одно.

Пей поцелуй.

25.01.1970

Последний день Помпеи

Небо вдруг одело маски ужаса.
Белая улыбка у вулкана вздрогнула,
Наполнилась рокотом грохота.
Многотонные вулканические бомбы
Перышками драчливых петухов взлетели
И покатались,
Покатались по круче.
Масса горы,
Задыхаясь,
Вновь вздрогнула
И кипящая лава горлом пошла,
Покашливая, как чахоточный.
Огненность,
Фантазируя клубами черного дыма
И радуясь полной свободе вандала,
Черным вторгалась в голубую свободу неба.
В черное вплеталось зловеще-пунцовое,
И заclubившись,
Ощерилась дымностью в прозрачную
синь небосвода,
Вонзаясь медленно,
Степенно,
Грозно
Над пространством бегущих в ужасе людей.
В них,
В каждого точно плеснуло адом:
Страх вселялся в людей безумством
И город был полон гибнущего одиночества:
Каждый погибал сам по себе.
Кто-то мертвец на своих плечах сдерживал свечу
огромной колонны,
А из-под черного свода лился дождь
раскаленных
камней и пепла.

А ночью над ними мерцали
Точки вселенной,
Точно зубы в оскале,
Выбитые из челюсти.

Боги умеют лишь мстить.

10.02.1970

«Осторожно...»

Осторожно:
Не души́те горло!
Осторожно:
Не бинтуйте горло!
Дайте горлу говорить свободно.
Горло может закричать грозно
Или в плаче расплескать «больно».

Дайте горлу задышать вольно.

12.02.1970

Медведь-копилка

Тяжко,
Тяжко быть медведем
Гладким,
Коричневым,
Блестящим от лака,
Быть игрушечным,
Понимать,
Что игрушечный,
И игрушечно паяться
в знакомо-приевшиеся лица,
Молча переносить все перестановки
И хранить скрупулезную жадность
в собранных во мне копейках.
Я стою.
Я сношу их взгляды.
Я самый жалкий из всех медведей:
Я даже не плюшевый,
У которого могут оторвать любую лапу. —
Он хоть совсем детский.
А я жесткий,
Я из гипса,
А я неподвижный —
Я из мира копилки,
Прошу вас лучше меня разбейте
Или спрячьте от детства подальше
Без звона монетного.

11.04.1970

Москва

Голос

Крикни,
Крикни сильнее,
Врываясь в эхо во всю мощь легких,
И неожиданно смолкни.
Тебя,
Как и стоящие вокруг деревья,
Зовет твой же голос.
Уже ты молчишь,
А голос живет,
Живет!!!
Слышишь?!
Он вновь зовет,
Будто манит,
Будто готов тебя провести сквозь чащу любую,
Сквозь буреломы желаний.

Далеко он зовет тебя,
Твой голос.

24.07.1970

Меланхолия

Вы плывите,
Плывите за волнами вслед,
Туда,
Где плывут облака,
И как крик журавля,
Погибают:
Он тает вначале,
Становится тише
И совсем притихший
Тает в безоблачье...

Меланхолия, как крик журавлиный,
Как плытие в никуда.

24.07.1970

Блики

Разбежались,
Спешат,
Торопятся
Выше,
К самому верху деревьев.
Омываются листья бликами от воды.
И плетут торопливую сеть.
И грешат разговорами дивными,
Мне же кажется
Чью-то песню
Я подслушал здесь славную,
Нежную.

7.08.1970

Речная заводь

Всей пятерней едва воды касаясь,
Кистью рассеиваю капельки прямо
в межрядье волн.
Река,
Как невеста,
По проседи света пошла в колечках.
Лицо твое вдруг всколыхнулось от волны набежавшей,
Но осталось прекрасным по-прежнему,
А на нем,
Заигрывая друг с другом,
Ласкались солнечные блики.
Рука твоя,
Как талисман на отражение,
Вскоре совсем превратилась в ночь.
А там,
Где личико твое отражалось,
Появились отражения звезд.

12.11.1970

«Снег сыплется...»

Снег сыплется,
Как песок,
И скрипит под ногами,
Как на зубах.

14.01.1971

Эхо

Крикнули в чашу
И где-то в глуши
Отзвук родился —
Эхо.
В песенном звоне бежит ручеек,
В хрустальный поток
Прямо с листка
Упала росинка:
– Дзинь-нь-нь...
Рассыпавшись легким звучаньем.
Эхо подхватывает речитатив,
Разносит,
Разносит мелодию упавшей в ручей капли
По всему лесу.

2.02.1971

Поэзия

Стихи ли писать,
Пережить ли стихию
Все в общем едино:
Все сложно и страстно,
Все жаждет победы,
Усилий над силой
Со страстью,
Свободной от всех нареканий.
Пусть гибель,
Не будет упреков на жизнь,
Пусть гибель,
Она не подвластна суждению труса,
А человек – как бог,
Как бог.

Вкусить поэзии сладчайший плод...
Как будто бродишь по пустыне знойной,
И нет воды на много верст вокруг,
И жажда иссушила горло страшным пеклом.
За миражами
по барханам
в зной
Идешь-идешь
Без края,
Без конца...
Но вдруг песок зыбучий начинает крепнуть:
Там бьет родник прозрачайший,
Игривый,
Сверкая точно шкуркою змеиной,
Журча,
Легко бежит по избранному руслу.
Вода!..
И пьешь ее живительную дань...
Уже не можешь пить,
Но пьешь,
Захлебываясь влагой,
Ты пьешь ее сладчайшую,
Как песню.
Слова поэзии звучат как пение.
Как Одиссей у острова сирен,
И ты пристать велишь,
И нет боязни погубленному быть
От чувства музыки.
Ты весь в поэзии,
Запутан точно сетью

Поэтом сотканную миром чувств.
И ты запутанный,
Окутываешься больше
Желанием своим до замиранья духа
Быть стиснутым в объятьях стихотворных
Всю жизнь.

Стихи ли писать,
Пережить ли стихию —
Все в общем едино,
Все жаждет победы,
Усилий над силой
Со страстью,
Свободной от всех нареканий.
Пусть гибель —
Не будет упреков на жизнь,
Пусть гибель —
Она не подвластна суждению труса,
А человек как бог,
Как бог.
И точка.

13.03.1971

Первобытная история или вариации на тему наскальных рисунков

— I —

Провожу рукою по серому камню.
Древность.
Вот она древность.
Ладонь запрыгала по-оленьи
И под пальцами запечатлелся
Топот копыт убегающего зверя,
Потом заревел бык
И это тоже запечатлелось на пальцах:
Они чуть-чуть выдавали дрожью,
А под ладонью уже чувствовалось,
Как за этими животными гнались охотники,
Натягивающие тетивы своих луков,
И со звоном,
Рассекая воздух,
Летели пущенные стрелы...

Все это так и осталось выбитым в глыбе.

— II —

Черной копоты плюш
На причудливых сводах осел пещерных,
Пламя тянется кверху
От огарка костра,
Фантазируя вольностью,
искрами,
тресками,
вспыхами
В бесконечных экспромтах на темы огня.
Пламя тянется кверху.
В контрасте то лица,
то руки:
Кто-то шкуры сшивает,
Тот вертит вертел с кабаном...

Первобытно осваиваемая природа
Кое-как,
кое-что,
кое-чем.

А у самого входа
Пещерных играют здесь дети
В первобытные игры —

В повадки зверей.
В яркой зелени трав,
Где в восторге зеленом глаза веселятся
И на зелень травы так и тянет прилечь.

— III —

Кисть руки крепко сжала рубило
Прикоснула рубило к мольберту скалы...
А затем замелькала от удара к удару
сильнее и чаще
Камень в камень по камню...

И чеканились контуром схватка бизонов,
Страстный танец,
Поведавший музыкой в камне,
И летящие дротики-стрелы,
Все глыбное небо затмившие.

Первобытный художник лизнул языком
свои раны,
Вытер пот со вспотевшего лба своего,
Потрепал по вихрам наблюдавших детишек
И ушел молчаливо,
Охваченный мыслями,
Уступив пьедестал:
На охоту пора.

— IV —

По шершавым сомнениям древнего предка
Провожу ладонью,
Пытаясь почувствовать лишь подвластное
рукам
И сердцу первобытного человека,
Это первые записи в само время,
Чтоб объять необъятное,
На дыхании,
На одном лишь дыхании
Первый каменный росчерк.
Это поступь каменного века
В век сегодняшний.
Обращение к нам
На дыхании памяти,
На дыхании времени.

Как задачу к решению исторических истин
Разрешаю ладонью в шершавых
сомнениях предка.

6.04.1971

Этюды ночи

Цвет заката стал синим.
Синий в сумерках стал смуглым,
Обуглился,
Стал черным...

Небо удобнее рассматривать лежа на спине.
Тебя точно нет,
Есть только глаза,
Звездные этюды вселенной
И размышления.

Стали глаза на всю вселенную.
Они,
Не излучающие света,
Впитывают в себя бездонно все,
Что видят.
Небо —
Это всевозможные звезды,
Которые перемигиваются и горят.
Небо ночное,
Как черновая для белых стихов,
Все исписано туманностями и созвездиями.
Все это – небо.
Кажется, протяни руку
И можно почувствовать на кончиках пальцев
Росинки их света.
Его можно назвать прародительницей
фантастических грез,
Или просто назвать:
Небушко,
Дать другие названия,
эпитеты,
сравнения.
Или,
еще лучше,
ничего не придумывая,
Любоваться,
Любоваться до упоения раскрытой шкатулкой
эпитетов.
...А на самой земле
Некто дождь
Из плеяды фокусников-эксцентриков
Разбросал во множестве блюдечки луж и лужиц,
В которых играли звезды
И отражались луны...

А если небом взглянуть на землю,
Можно будет увидеть множество глаз
задумчивых,
Экспрессивных и возвышенных,
Как само величие неба.

Если смотреть небом на землю:
Один человек – гамма,
Целое тоскующее звучание,
Он и она – созвучие.

Если смотреть небом на землю,
Можно в различных человеческих оттенках
Почувствовать музыку,
И любоваться,
Вслушиваясь в молчания,
Которая небом и человеком рождается...

.....
.....

Девушка в крещенском одеянии,
Где ж ты?..

11.04.1971

«Пей вино – сок земли...»

Пей вино – сок земли
Из бокала простого,
Исхрусталист стекло
Изнутри звездочетом,
Брызнут искорки света,
Искрясь и играя,
Взгляд зрачков пробуждая
Фантазией красок.
Драгоценный напиток иссушит усталость,
Снимет мрачные мысли,
И дарствуя радость

Подними свой бокал
И выпей за счастье.

27.04.1971

«Разбежались веснушки солнечных бликов...»

Разбежались веснушки солнечных бликов
По лицу,
В ореол золотистый его обрамляя
Контрастом,
Человек этот пел,
Пел прекрасней цветов,
неба,
птиц,
Потому что цветами,
и небом,
и птицами
Пел он.

Можно ль петь не прекрасно,
Когда человек очень любит?!
Можно ль петь не прекрасно,
Когда тебя очень любят?!

3.05.1971

Расстрелянные аккорды

Труба клочкотала зрелищем:
Клубы дыма впивались в чистоту неба
И старили его.
Внизу,
У подножия вотума смерти
И идущих на эту смерть,
Стоял разноязыкий гул,
Чем-то схожий со зрелищем верхним:
В одних пробуждался страх,
Другие умиротворенно молились,
Вымаливая секунды у обреченности.
Среди этого гула чья-то мать, —
Пытаясь дозваться своего мальчика,
Чей пепел,
Как и пепел таких же как он,
Уже падавший на ее плечи, —
Плакала криком,
Все вокруг переплеталось в ад,
В душервущий порыв криков,
вскриков,
выкриков.

* * *

Людей вели строем
В самое пекло смертей беспричинных:
Мало ли за что можно тебя убивать,
Если ты – человек,
Homo sapiens,
Убивающий ли сам,
Или убиваемый.

Труба клочкотала зрелищем.
Плавилась от зноя потные лица,
Однако их фигуры были прямее собственных
согбенных теней,
Пышных сытых карикатур на изнеможенных
от безъедия.
И всякий раз их сосредоточенно
передвигающиеся спокойствия
Растаптывались, как надежды,
под каблуками нациста,
Беспрестанно вылаивающего переходящие
в эхо выкрики:
– Му —

зы —
кан —
ты!
– Из стро —
о —
я!
стро —
о —
я!
ро —
о —
я!

* * *

Труба клокотала зрелищем.
Гул стоял.
На плечи колонн движущихся
Забвением пепел садился.
Люди как будто обыденно шли в душегубки
И также обыденно жарил их зной.
А эти,
Точно само издевательство
В белых костюмах рабами стояли и слушали:
– Эти звери умирают весело!
Играй, звери!..
И поперхнулся,
Непонимающе хлопая веками.
В такт дрожи челюсти его
«Интернационала» впивались звуки
в сытую рожу беса...

Их расстреливали тут же на месте,
Расстреливали в музыку,
В аккорды целясь.
Их трубы,
Падая вместе с расстреливаемыми,
Все продолжали петь,
Петь бессмертие.
Колонны,
Идущие к печи,
Настроили шаг торжественнее
В такт расстреливаемым созвучиям:

Музыку не убивают!!!

7.05.1971

«Степennyй час...»

Степennyй час,
Когда все в доме спят,
А за окном машинный гул несется
И рушит тишину,
Неся погибель ночи
Ножами света,
Кровной мeстью фар.

4.06.1971

Плакучие ивы

Ароматы сгустились
И стали плакучими ивы,
Будто женщины плачут,
Упрятав зрачков своих ночи
В ночь платков и косынок.
Ветер плавно отводит с их лик
Локон веток,
Убаюкивая в шептании листьев
Скорбь причесок ивовых.

4.06.1971

Летний сад

Солнцем тронуты кромки листа
Словно инеем.
Строят глазки прохожему спелые вишни,
Заманивают.
Сад проснулся.
Слегка ветерок набежал,
Сгреб ладошками первые лучики нежные
И охапкою бросил на кроны,
На птичье гнезда.
Тут и птицы проснулись,
Их трели рассыпались звонко
Средь деревьев и трав.
Вдруг послышался звон:
То упала росинка,
Разбилась
И эхо родилось,
Заискрившись в осколках на множество радужек.
Сад проснулся,
Вдохнул шелестливой листвою,
Поздоровался с ветром
И с первым пришедшим
Менуэтом стволов на рассветной кадрили
В чаще доброго утра.

4.06.1971

«Что остается от поэта...»

Что остается от поэта,
Когда разгневанная пуля
Пронзает сердце?

Лишь только кровь его
На снег прольется —
Последний стих окрасит белизну
И также страстно,
Как вся жизнь поэта,
Покроет саваном немеркнувшей славы
Последний путь его,
В котором путь пройден.

Цветы завянут —
Песни не завянут:
Они поются...

Что остается от поэта?!..

12.06.1971

Добрая сказка

Отшутилися, ох, отшутилися тролли,
Все отняли у гномиков злые уродцы,
Вот и плачут теперь волшебнята без песен
Над своей пренесчастной-несчастной бедою.

Плачет гном,
Плачут гномики-дети,
Пялясь в зеркало озера,
Смотрят на горбики.

Ни снадобий не сыщут,
Отвары не лечат,
Жалко гномиков очень,
Жалко очень, поверьте.

Но однажды по берегу озера шел
Молодой пастушок. За плечами котомка.
Шел и песни веселые пел,
Пел про травы, про горы, про всякое-всякое.
Песни были волшебные:
Песни зло убивали,
Даже самые злющие, что сверкали очами,
Становились добрее.

Тут и чудо свершилось под пение дивное.
Стали горбики гномиков таять как льдинки,
Стали ровными спинки и щечки румяными,
Веселятся.
Не страшно уж троллье проклятие.

Если грустно – запой!
Если страшно – запой!
Если тролль попадется —
Убей его зло
От добра
На добро
Для добра.

15.06.1971

В шторм

Рвет и мечет в щемящемся рвенье бурана,
В страсти бешеной хочет объять все вокруг,
Что-то злобное взвоят в снастях у баркаса,
На мгновенье замолкнет и взвоят опять.

Только в хижине тепло.
Полено пылают.
Песня шторма несется из раструба славно,
И слегка вспоминается старое, ушное,
И грустя вспоминаешь о чем-то своем.

27.09.1971

«Вот кричат петухи...»

Вот кричат петухи,
Задираясь на зорьку горланьем.
Петухи-крикуны звонко кличут рассветное эхо.
И проснуться нельзя —
Сны окутали крепко,
И заснуть невозможно
От прелестной дивности утра.

18.11.1971

Оконные силуэты

Силуэты как призраки,
Как привидения,
Стелются,
Ложатся опавшими листьями
Живыми синонимами живым человекам
Прямо на шероховатые горбинки асфальта.
Магией страсти на тротуаре
ведьмин шабаш пляшут венчики пальцев.
Точно всполохи,
Неудержимо,
Перенимая неизбежным участием
все положения,
Силуэты то исходят туманностью,
То совсем исчезают,
То рисуются резкими контрастными
очертаниями
И вдруг никнут,
Чьей-то утратой болезненно переживая,
То как в крик переходят,
Голову руками обхватывая,
И тогда все сливается в непонятно-сгорбленное.
Вот в чьих-то окнах занавеси пропитываются
силуэтами танцующими,
Рядом силуэты вытягиваются здоровьем,
Тянут друг другу фужеры и рюмки,
А из окна соседнего
силуэты распрыгались
по стволам и веткам деревьев.
Ходами шахматного коня,
Как по мановению,
Исчезают на доме светящиеся
прямоугольники —
Это гаснет за окнами свет.
Вечер добрый уходит в ночь.
Лишь один светлячок,
Что под самую крышей,
Допоздна выдает силуэт одинокий,
Который совсем не торопится с ночью
проститься —
Ему думается.

Ночи доброй тебе,
Ночи доброй...

19.11.1971

Гончар

Не боги горшки обжигают,
Вращается круг гончарный
Обратно, в далекие годы,
В века обратившись обратно
Вещаньем далекого люда:
На ноги становится предок,
Вступая на глинную слякоть.

Вращается круг гончарный
Добытый из древних курганов,
Осколок посудный расскажет,
Поведавши глинные тайны
В остаточной росписи вазной.
Пиала напомним хмельное
И древние песни стоянок.
И снова покормят из чанов
Плененных похлебкой баландной.

И ныне, как прежде в столетях,
Вращается круг гончарный.
Под ссохшей рукой старика
Возносится ввысь над кругом
Изящнейший чудо-кувшинчик.
Старик по заветным приметам
Колдует,
Волшебствует дело
И душу
И сердце вмешавши
В простую глиняную сказку.

Не боги горшки обжигают.
Богам неподвластно,
Не в силу
Быть богом гончарного круга.

22.11.1971

«Рань постучалась в окошко ...»

Рань постучалась в окошко —
Ты ещё спишь,
Сладко прижалась к игрушке,
Видишь тихие сны.
Шепот шагов приглушаю,
В цыпочки встав,
Чтоб не встревожить историй
Кукольных снов.

Рань постучалась в окошко...

6.12.1971

Все до поры

Велереченье плавно правит пир,
Многоголосьем шум ко встречному спешит,
Чудачит скоморох насмешкою гусяра,
Князь веселись!
Боярин веселись!

В хмельце медовом пряник лиц спадет,
Остатки-сладки скомороху вынесут
Да гусяра прогонят за порог.
Князь веселись!
Боярин веселись!

Пир на приволье выплеснет людей,
Во здравие всех встретит на погосте
Разбойник.
Разбойник не гусяр, не скоморох.
Князь веселись!
Боярин веселись!

Велереченье плавно правит пир.
И снова скоморох чудачит над гусяром.
В который раз остатки будут сладки.
Князь веселись!
Боярин веселись!

На виселице выкалив зрачки,
Разбойник будет сыт последним грабежом,
Потеху здравствуя во славу.
Князь веселись!
Боярин веселись!

Все до поры, пока не выйдет бунт,
С дружиной отгуляв кровавую гульбу,
Князь и бояре попируют вволю.
Князь – веселись!
Боярин – веселись!

И снова на пиру хмельным-хмельна волна,
Шутнет угрозой скоморох заветной,
Гусяр по сотням справит свой молебен,
Князь веселись!
Боярин веселись!

11.12.1971

Песнь о славном походе славного атамана Степана Разина со славной дружиной за зипунами

Эй, дружина – славные казаки!
Налегай на весла,
Берег недалек.
Там купцы богатые,
Там товары славные,
Налегай на весла —
Берег недалек.

Атаман наш, братцы,
Жаждет он добычи,
Золотом,
Мехами одарит он всех,
Там вино хмельное
В зипуны заправим,
Налегай на весла —
Берег недалек.

Битву отыграли
С войском Минди-хана,
Дочку с сыном хана
Захватили плен,
Веселей, ребята,
Дева там что надо,
Атаман наш в девках
Понимает толк.

Не бунтуй, ребята,
Девки нет уж боле,
Атаман наш Стенька,
Бравый шкипер Разин
Девку вместе с братом
Утопить велел.

Набрана добыча.
Есть еда в запасе.
В путь спеши обратный,
Братцы-казаки.
Налегай на весла,
Стенька Разин правит,
Налегай на весла.
В путь.
За горизонт.

12.12.1971

Требуется жалость

— 1 —

Человеку как плохо,
Как ему плачется.

Вот прильнувшись к стене,
Слезно рассказывает о своем житие
И помощи просит,
Аж изнывает,
Мне ж очень жалко.

— 2 —

По всем критериям набегавшись,
Стремлюсь под призмую неона
Выглядеть нищим,
И руку протягивая,
Вымаливаю жалость,
Как подаяние,
Для того незнакомого мне человека. —
Все мимо проходят

— 3 —

Чтобы хоть как-то ему помочь,
Придумываю жалостную историю
будто бы о себе —
Все нос воротят.
А там человек,
Нуждающийся в жалости-помощи очень.
Все стою.
Все вымаливаю.
Жду.
Ту же надуманную историю рассказываю
о другом.
Изредка кто-то бросал мне в шапку
Капельку елейной жалости
И ею можно было наестся, как мороженым.

— 4 —

Не то.
Даже приторно очень.
Разозлился.
Отбросил критерий возможностей,
Плюнул в блюдечко лужи с досады
И написал покрупней на асфальте:
«Требуется хорошая мягкая жалость!»
И адрес, кому ее надо.

13.12.1971

Бусы

*Искры в камине
Горят как рубины...*

Романс

Бусы.
Красивые бусы купил,
Прямо на стенку повесил...
Каминный огонь сквозь янтарные дольки
Рассвечивает дымкой.
Крикливый фарфоровый петушок,
Воспрянув бредущей зорьке,
Бросает мягкими отсветами
И ранит зрение.

14.12.1971

Письма из Рая

Письмо первое

Душа уже в Раю.
Куда теперь деваться?!
Своей собаке строю конуру.
По вечерам Отелло с Дездемоной
Гуляют мимо дома моего.
Недавно повстречалась Антигона,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.